

ВРЕМЯ

Z

Юрий Хоба

**Я ШКУРОЙ
ПОМНЮ
НАПОЛЗАВШИЙ ТАНК**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х68

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*
Фото на обложке *Григория Вдовина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Хоба, Юрий Иванович

Х68 Я шкурой помню наползавший танк: очерки и рассказы / Юрий Хоба. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-166084-0

В первой книге военного корреспондента Юрия Хобы собраны короткие новеллы, этюды, зарисовки о воюющем Донбассе. Автор не только дает тонкое и изящное описание красоты природы, диссонирующее с пронзительным рассказом о трагедии войны, но и обнажает пласт русской души, её неприкаянность, благородство и величие. Проза автора удивительна по красоте языка, затейлива по слогу и современна по реалиям.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-166084-0

© Юрий Хоба, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В «Крымскую весну» и обратно.

Соленый ветер Байдарских ворот

Ничто так не портит настроение, как воткнутый под ребра ствол автомата. А ведь еще двое суток назад оно было светлее неба над Байдарскими воротами и наряднее садов, которые розовым туманом стекали в Балаклавскую бухту.

Обычно дневные впечатления записываю чуть позже. Когда окажусь под крышей. Но в этот раз отступил от правила. Уж слишком симпатичным выдался денек, а швартовая пушка на причале показала удобнее мягкого кресла.

И потом, хотелось сохранить в походном блокноте то, что могут заслонить яркие, как корабельные флаги расцветивания, события. Итак, этюд, который я назвал...

СТАРЫЙ РЫБАК И ГАГАРА

«В Балаклавскую бухту солнечной бригаантиной входила весна, которой рукоплескал каждый, кто не ослеп душой. Оставив по левому борту беззубый зев базы подводных лодок, гостя беззвучно отдала породивший радугу якорь, и сразу же за казенными палисадами началось движение.

Приход парусника приветствовали простуженные флюгеры и деревья миндаля. Все в розовом,

они напоминали разнаряженных барышень, которые из боязни пропустить дивное зрелище, привстали на цыпочки.

Лишь старый рыбак на причале выглядел безучастным. Он был слишком занят распутыванием сбившейся в ком лески, а его глаза цвета вылинявшего воротника матросской рубахи, похоже, утратили способность замечать солнечные бригантины.

Присаживаюсь рядом на швартовую пушку и протягиваю старику пачку сигарет. Покосившись на иностранное название, он молча выцарапывает сигарету и тянется к зажигалке. При этом щетина на его щеке от соприкосновения с воротником куртки издает соломенный шорох.

— Что за птица? — киваю на резвящееся в ладонях бухты пернатое.

— Гагара, — раздраженно, будто отряхивая просыпавшийся на брюки табак, отвечает рыбак. — Сволочь, на мальков кефали охотится.

Словно поняв, что о ней речь, гагара скашивает на нас глаза. В них — озорство и азарт. Покрасовавшись несколько мгновений перед объективом, она ныряет.

Ее полет в согретой солнцем глубине подобен волнообразному движению руки парящей над подмостками индийской танцовщицы. Но старик не видит ни подводных пируэтов, ни парусов бригантины. Он все еще пытается наладить снасть, такую же всклокоченную, как и одинокое облачко над Балаклавской бухтой...»

Эти, спонтанно выплеснувшиеся в походный блокнот строки могли родиться только здесь, на обласканном солнцем берегу. Но и они лишь отчасти

передают настрой души, которую будоражило предчувствие перемен и рвущийся через теснину Байдарских ворот соленый ветер.

СИНДРОМ УТЕРЯННОЙ ПУГОВИЦЫ

Правда, признаки зарождающейся эйфории появились чуть позже. А несколькими часами ранее экипаж без остатка растерявшего на дорогах второстепенного назначения былую прыть зеленого «козлика» пребывал в тревожном ожидании.

— Вот увидите, — каркал водитель Генка, — выпишут крымчане каждому из нас по персональному пендалю, и полетим мы взад быстрее собственного визга.

Второй член экипажа, он же владелец «козлика» Анатолий на заявление кормчего отреагировал презрительным хмыканьем. Похоже, сомневался, что на полуострове сыщется сапог такого калибра, который способен придать поступательное движение ста двадцати килограммам живого веса. Однако подозреваю, у самого внутри сидела холодная жаба. Такая же объемная, как и брюшко владельца «козлика». И вела она себя настолько беспардонно, что вначале сам по себе развязался галстук, а чуть позже рубаша принялась отстреливать пуговицы. Одна из них, скользнув по лобовому стеклу, вылетела через окошко на обочину Чонгарского перешейка.

— Хреновая примета, — каркнул во второй раз Геннадий. — Еще моя бабушка говорила, что потерять пуговицу — значит получить ремня по другую сторону штанов.

— И что, — робко поинтересовался я, — сбывалось?

— Не знаю, у кого как, но меня пороли. Не за утрату пуговицы, конечно. За более серьезные грешки... А вам, граждане начальники, я советую убрать табличку «Пресса» и на всякий случай разработать убедительную версию относительно цели поездки. Крымчане, если верить слухам, журналистов с Украины особо не жалуют.

Кандидату сельскохозяйственных наук Анатолию ничего придумывать не надо. Тем более имея в кармане приглашение в Никитский ботанический сад на выставку тюльпанов.

Однако и я особо не горюю. Крым для Донбасса испокон веку ближе Львова. А что смирился с самоотийным тризубом, так кошка до поры до времени не обращает внимание на блох. Сидят смирно — ну и ладушки, принялись дырявить шкуру — извините-подвиньтесь.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

На Чонгарском перешейке пестро от флагов, казачьих лампасов и оружия всех систем. Берданки, трехлинейки Мосина, дробовики. Не хватает только пищалей времен царствования Иоанна Грозного.

Правда, у взявшегося проверять наши документы подхорунжего погон с сиротской звездочкой придавлен ремнем укороченного автомата, а карманы «разгрузки» трещат от обойм.

Впрочем, это не придает ему агрессивности, да и сапожки, как я успел заметить, явно не сорок пятого калибра. Такие точно не годятся, чтобы отпра-

вить в обратный путь кандидата сельскохозяйственных наук.

— Цель поездки? — цедит сквозь зубы подхорунжий.

Берет у меня из рук паспорт, а у самого на лице гримаса. Похоже, молодой человек не испытывает верноподданнических чувств при виде тризуба на обложке, который является копией тамги Хазарского каганата.

И здесь происходит то, что в корне опровергло примету Генкиной бабушки относительно утраченной пуговицы.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — рявкнул подхорунжий. — Разрешите от имени защитников передового блокпоста поприветствовать вас на крымской земле!

— Граждане начальники, — подал голос кормчий после того, как разукрашенный Чонгар остался за кормой нашего «козлика», — может, объясните, кто такой, этот «ваше превосходительство»? И почему подхорунжий не соизволил проверить паспорта остальных?

Пришлось признаться, что на подъезде к перешейку я сунул в паспорт удостоверение генерал-майора войска казачьего, в надежде на его пробивную силу. И, как оказалось, не ошибся.

ДЕСЯТЬ ПЛЕТЕЙ
ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ

Ощущение причастности к чему-то свежему начало заполнять наши души еще на Чонгаре, у берегов которого толпились обласканные весенним

теплом и поэтому казавшиеся праздничными волны Сиваша.

Собственно, праздновала вся крымская земля. Сооружавшие гнезда на чахлах деревцах обочин искусницы сороки, пригревшийся под боком у наполовину ушедшего в почву железобетонного дота времен Великой Отечественной синеокий пролесок и мужик с такой колючей щетиной на подбородке, что им можно было соскабливать ржавчину с бампера нашего «козлика».

И хотя мужик был занят делом, пас за сельской околицей отошавших коров, его глаза блестели, словно от стакана огненной воды.

Однако спиртным от мужика не пахло. Да и не могло пахнуть. Накануне нашего приезда казаки запретили владельцам сельмагов торговать спиртным. И заодно назначили штраф за каждую проданную бутылку водки — десять плетей.

— Здесь не радоваться, плакать надо, —отреагировал на прискорбную новость кормчий. — Где такое видано, чтобы гражданам столь бесцеремонно испортили праздник?

— Настоящий праздник, как и красивая молодлица, хорош и без водки, — возразил новый знакомый. — А желающих его испортить — хоть пруд пруди. Говорят, в Киеве под парами стоит поезд с молодчиками, которые горазды булуги и коктейли Молотова метать. А таких, с позволения сказать, гостей следует на трезвую голову и во всеоружии встретить.

— Небось, откопал припрятанный в огороде «шмайсер»? — съехидничал Геннадий. — А может, и целый миномет?..

— Я, мил человек, вот этим кнутом могу так перетянуть любого майданутого, что он сходит

по-большому и по-маленькому. Не снимая штанов.

— Вдруг в ваших краях объявится мой родственник-киевлянин, — попросил я, — так вы уж не сильно его стегайте.

— Каков он из себя?

— Примерно ваших лет и комплекции.

— Чего же он, старый хрыч, на Майдан полез?

— Впечатлений, наверное, захотелось. Но не придумал ничего лучшего, как метать булыжники в омовцев. Правда, неудачно. Рука-то у него после операции плохо срослась, поэтому булыжники летели в другую сторону. «Слышь, чертов инвалид, — сказали ему, — ты уже парочку наших зашиб. Хватит кидать, лучше подноси камни. Целее будем».

— Извините, боюсь, пощады вашему родственнику с моей стороны не будет, — ответил пастух. — Нет у меня сострадания к тем, кто ради впечатлений затевает свару. Поэтому для блага вашего родственника — пусть и не помышляет устроить майдан на крымской земле.

Он оказался философом, мужик, который пас за сельской околицей отощавших коров. Хотя и перекидал за свою жизнь сотни тонн навоза, прекрасно понимал, что все эти потрясения и майданы сделают ее еще более нищей.

Впрочем, пастухи, чабаны и землепашцы все отчасти философы. И такими их сделало прямое общение с природой, где все имеет глубинный смысл. И розовые туманы над Балаклавской бухтой, и сорочьи теремки вдоль обочины, и выросший под защитой дота времен Великой Отечественной синеватый пролесок.

КОЗЬЯ НАПАСТЬ

— Впервые за все утро попалась смурная физиономия, — говорит Анатолий. — А то мне уже начало казаться, что мы попали на выставку улыбок.

Впрочем, у шофера хлебовозки имелись веские основания пребывать в подавленном настроении. Он даже не считал нужным удовлетворить любопытство седоков машинёшки с донецкими номерами.

— Ты почему разлегся посреди дороги? — удивился наш кормчий. — Козочек решил накормить?

— Пошел ты... сам знаешь — куда, — отмахнулся мрачноликий.

И все-таки нам удалось выяснить причину дорожно-транспортного происшествия, в результате которого обставленные цветущими абрикосами Байдарские ворота стали еще уже. Шофер хлебовозки при виде вынырнувшей из-за поворота колонны броневиков на мгновение впал в прострацию. И пришел в себя только после того, как неуправляемая хлебовозка оказалась лежащей на боку посреди асфальта.

Наверное, разбежавшиеся по кустикам буханки можно было собрать и, отряхнув от пыли, вернуть на место. Однако к месту ДТП устремилось стадо козочек. Зловредные животные отхватывали пару-тройку кусков от одного каравая и тут же принимались за следующий. То есть делали все, чтобы водитель хлебовозки окончательно смирился с утратой.

К счастью, экипаж «козлика» и оседлавшие бронетехнику зеленые человечки оказались сознательнее животных. Объединенными усилиями хлебовозку поставили на копыта, после чего молодой

человек в камуфляже прошелся с головным убором по кругу.

— Держи, — велел он, вытряхивая в ладони пострадавшего деньги. — Здесь должно хватить и на возмещение убытка, и на ремонт твоей телеги.

— Ну вот, — удовлетворенно молвил Анатолий. — Теперь имеются все основания надеяться, что хмурых физиономий на крымской земле больше не осталось.

ТРИ ТЮЛЬПАНА ОТ ЖАР-ПТИЦЫ

Конечно, праздник не может длиться вечно. Он вроде радуги после ненастья. Только что сияла улыбкой красавицы — и вот уже нет ее.

Но в те дни радуга не покидала полуостров. И ее отсвет лежал на лице капитана бегавшего через Северную бухту морского трамвайчика «Иван Овчинников».

Узнав, что трое новых пассажиров — дончане, капитан запретил матросу брать с нас деньги за проезд. Второе отступление от правил произошло пять минут спустя. Вместо того, чтобы отпугнуть гудком приводнившуюся по курсу стаю лебедей, капитан положил руль право на борт.

— Не будем беспокоить, — молвил он. — Лебеди и так натерпелись всякого по дороге домой. Да и устали похлеще отработавших смену землекопов.

Мысленно мы поаплодировали великодушию капитана, однако сполна его поступок оценила плывшая с нами дамочка. Нарядная, словно обретшая человеческое обличье жар-птица, с тремя алыми тюльпанами в руке.

Так вот, когда «Иван Овчинников» прочно встал у коновязи, пассажирка влетела в рубку, отчего та преобразилась в сказочный теремок, и протянула капитану цветы:

— Это вам за лебедей...

Впоследствии Анатолий утверждал, что дамочка чмокнула капитана в щеку. Так было или иначе, утверждать не берусь. Однако готов засвидетельствовать, что щеки капитана сделались одного цвета с подаренными тюльпанами.

Жалею, что не удосужился записать имя жар-птицы. И заодно попросить у нее номер телефона. Но морской трамвайчик увез ее на другую сторону бухты, оставив в душе растерянность, которую испытывает тихий пьянчужка, когда роняет из рук бутылку купленного на последние рублишки вина.

Впрочем, жизнь наша целиком сверстана из потерь. В том числе вот таких, казалось бы, второстепенных. Но кто знает, не прошел ли ты и в этот раз мимо собственной жар-птицы?

Говорю об этом Анатолию, который взглядом провожает морской трамвайчик.

— Согласен, — вздохнул приятель. — С такой барышней пройти по Графской пристани — у фонарей от зависти лампочки полопаются. Но если начнем бегать по Севастополю и приставать к прохожим с идиотским вопросом: «Не пролетала ли здесь жар-птица?» — то ночлег в психушке обеспечен.

«МЫ ВЕСЕЛЫ, КАК ВОДА...»

Намек на ночлег сделан с прицелом. Зеленый «козлик» обладает удивительной способностью пе-

редавать жесткую глубину колдобин филейным частям седоков. Да и полтора часа в бурлящем котле главной площади Симферополя утомили похлеще колдобин, коим несть числа между Донецком и Чонгарским перешейком.

Правда, в отличие от Майдана, крымчане обменивались не выдранными из мостовой булыгами, а лучезарными, словно Балаклавская бухта, улыбками. Короче, выкарабкался я из котла с изрядно обмятыми боками и единственной фразой в походном блокноте: «Мы веселы, как вода, толпящаяся у плотин».

— Знаешь, почему упустили жар-птицу? — проникновенно напомнил о себе Анатолий. — Да потому, что устали. А вот если бы основательно подкрепились да отлежались в соломе...

Как и полагается кандидату сельскохозяйственных наук, приятель считает копну соломы или сена наилучшим местом отдохновения.

И, пожалуй, он прав. Во время скитаний по малым рекам мне приходилось множество раз коротать ночь под звездами, которые, казалось, тоже пахли луговым сеном. И поэтому теперь точно знаю, что прибрежные стожки обладают чудесным даром изгонять похмельный синдром и усталость.

К сожалению, на Графской пристани подобная роскошь не водится. Что ж, придется довольствоваться съемной квартирой с видом на мусорные баки. Впрочем, моих спутников она устроила. Особенно ученого мужа, который презирает гостиничные номера лишь потому, что в них запрещено жарить картошку. А с особой теплотой вспоминает Керчь и квартиру на набережной, с балкона которой ловил на удочку бычков.